Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

1001 ночь.

Рассказ о Ганиме ибн Айюбе

Но рассказ о двух везирях и Анисаль-Джалис не удивительнее повести о купце и его детях", - продолжала Шахразада.

"А как это было?" - спросил Шахрияр.

И Шахразада сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что был в древние времена и минувшие века и столетия один купец, у которого водились деньги. Еще был у него сын, подобный луне в ночь полнолуния, красноречивый языком, по имени Ганим ибн Айюб, порабощенный, похищенный любовью. А у Ганима была сестра по имени Фитна, единственная по красоте и прелести. И их отец скончался и оставил им денег..."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Тридцать девятая ночь

Когда же настала тридцать девятая ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что тог купец оставил им большое состояние и, между прочим, сто тюков шелка, парчи и мешочков мускуса [69], и на этих тюках было написано: "Это из того, что приготовлено для Багдада", - у купца было намерение отправиться в Багдад. А когда его взял к себе Аллах великий и прошло некоторое время, его сын забрал эти тюки и поехал в Багдад. Это было во времена халифа Харуна ар-Рашида. И сын простился со своей матерью, близкими и согражданами перед тем, как уехать, и выехал, полагаясь на Аллаха великого, и Аллах начертал ему благополучие, пока он не достиг Багдада, и с ним было множество купцов. И он нанял себе красивый дом и устлал его коврами и подушками и повесил в нем занавески и поместил в доме эти тюки и мулов и верблюдов и сидел, пока не отдохнул, а купцы и вельможи Багдада приветствовали его. А потом он взял узел, где было десять отрезов дорогой материи, на которых была написана их цена, и отправился на рынок. И купцы встретили его словами: "Добро пожаловать!" - и приветствовали его и оказали почет и помогли ему спешиться и посадили рядом со старостою рынка. Потом Ганим подал старосте узел, и тот развязал его и вынул куски материи, и староста рынка продал для него эти отрезы. И Ганим нажил на каждый динар два таких же динара. Он обрадовался и стал продавать материи и обрезы, один за другим, и занимался этим целый год.

А в начале следующего года он подошел к галерее [70], бывшей на рынке, и увидел, что ворота ее заперты, и когда он спросил о причине этого, ему сказали: "Один из купцов умер, и все купцы ушли, чтобы быть на его похоронах. Не хочешь ли ты получить небесную награду, отправившись с ними?" И Ганим отвечал: "Хорошо!" - и спросил о месте погребения. И ему указали это место, и он совершил омовение и шел с купцами, пока они не достигли места молитвы и не помолились об умершем, а потом все купцы пошли перед носилками на кладбище, и Ганим последовал за ними в смущении.

А они вышли с носилками из города и, пройдя меж гробниц, дошли до могилы и увидели, что родные умершего уже разбили над могилой палатку, принесли свечи и светильники. И затем мертвого закопали, и чтецы сели читать Коран над его могилой, и купцы тоже сели, и Ганим ибн Айюб сел с ними, и смущение одолело его, и он говорил про себя: "Я не могу оставить их и уйду вместе с ними".

И они просидели, слушая Коран, до времени ужина, и им подали ужин и сладкое, и они ели, пока не насытились, а потом вымыли руки и остались сидеть на месте. Но душа Ганима была занята мыслями о его доме и товарах, и он боялся воров. И он сказал про себя: "Я человек чужой и подозреваемый в богатстве; если я проведу эту ночь вдали от дома, воры украдут деньги и тюки".

И, боясь за свое имущество, он встал и, попросив разрешения, ушел от собравшихся, сказав, что идет по важному делу. И он шел по следам на дороге, пока не достиг ворот города, а в то время была полночь, и он нашел городские ворота запертыми и не видал никого на дороге и не слышал ни звука, кроме лая собак и воя волков. И Ганим отошел назад и воскликнул: "Нет мощи и силы, кроме как у Аллаха! Я боялся за свои деньги и шел ради них, но нашел ворота закрытыми и теперь боюсь за свою душу!"

После этого он повернул назад, чтобы присмотреть себе место, где бы проспать до утра, и увидел усыпальницу, окруженную четырьмя стенами, где росла пальма, и там была открывая дверь из камня. И он вошел в усыпальницу и хотел заснуть, но сон не шел к нему. Его охватил страх и тоска, так как он был среди могил. И тогда он поднялся на ноги, и открыл дверь гробницы, и посмотрел - и вдруг видит: вдали, со стороны городских ворот, свет. И, пройдя немного, он увидал, что этот свет на дороге движется к той гробнице, где он находился. И тут Ганим испугался за себя и, поспешив закрыть дверь, стал взбираться на пальму, и влез наверх, и спрятался в ее маковке.

А свет все приближался к гробнице понемногу, понемногу, пока совсем не приблизился к усыпальнице. Ганим присмотрелся и увидал трех негров: двое несли сундук, а у третьего в руках был фонарь и топор.

Когда они подошли к усыпальнице, один из негров, несших сундук, воскликнул: "Что это, Сауаб!", а другой негр отвечал: "Что с тобой, о Кафур?" И первый сказал: "Разве не были мы здесь в вечернюю пору и не оставили дверь открытой?" - "Да, эти слова правильны", - отвечал другой, и первый сказал: "А вот она закрыта и заперта на засов!" И тогда третий, который нес топор и свет (а звали его Бухейтом), сказал им: "Как мало у вас ума! Разве вы не знаете, что владельцы садов выходят из Багдада и гуляют здесь, и, когда их застанет вечер, они прячутся здесь и запирают за собой дверь, боясь, что черные, вроде нас, схватят их, изжарят и съедят?" И они ответили: "Ты прав; клянемся Аллахом, нет среди нас умнее, чем ты". - "Вы мне не поверите, - сказал Бухейт, - пока мы не пойдем в гробницу и не найдем там кого-нибудь. Я думаю, что когда он заметил свет и увидел нас, он убежал со страху и забрался на верхушку этой пальмы".

И когда Ганим услышал слова раба, он произнес про себя: "О, самый проклятый из рабов! Да не защитит тебя Аллах за этот ум и за все это знание! Нет мощи и силы, кроме как у Аллаха, высокого, великого! Что теперь освободит меня от этих негров?"

А те, что несли сундук, сказали тому, у которого был топор: "Влезь на стену и отвори нам дверь, о Бухейт, мы устали нести сундук на наших шеях. А когда ты откроешь нам дверь, тебе будет от нас один из тех, кого мы схватим. Мы изжарим его тебе искусно своими руками, так что не пропадет ни капли его жира!" - "Я боюсь одной вещи, о которой я подумал по малости моего ума, - отвечал Бухейт. - Перебросим сундук за стену - ведь здесь наше сокровище". - "Если мы его бросим, он может разбиться", возразили они, но Бухейт сказал: "Я боюсь, что в гробнице прячутся разбойники, которые убивают людей и крадут вещи, потому что, когда наступает вечер, они укрываются в таких местах и делят добычу". - "О малоумный, разве они могут войти сюда?" - сказали ему те двое, что несли сундук. Потом они понесли сундук и, взобравшись на стену, спустились и открыли дверь, а третий негр, то есть Бухейт, стоял перед ними с фонарем, топором и корзиной, в которой было немного цемента.

А после этого они сели и заперли дверь, и один из них сказал: "О братья, мы устали идти и носить, ставить и открывать и запирать; теперь полночь, и у нас не осталось духу, чтобы вскрыть гробницу и закопать сундук. Вот мы отдохнем три часа, а потом встанем и сделаем то, что нам нужно, и пусть каждый расскажет нам, почему его оскопили, и все, что с ним случилось, с начала до конца, чтобы эта ночь скорее прошла, а мы отдохнули". И тогда первый, который нес фонарь (а имя его было Бухейт), сказал: "Я расскажу вам свою повесть"и ему ответили: "Говори!"